

ЛУ СИНЬ

РОДНОЕ СЕЛО

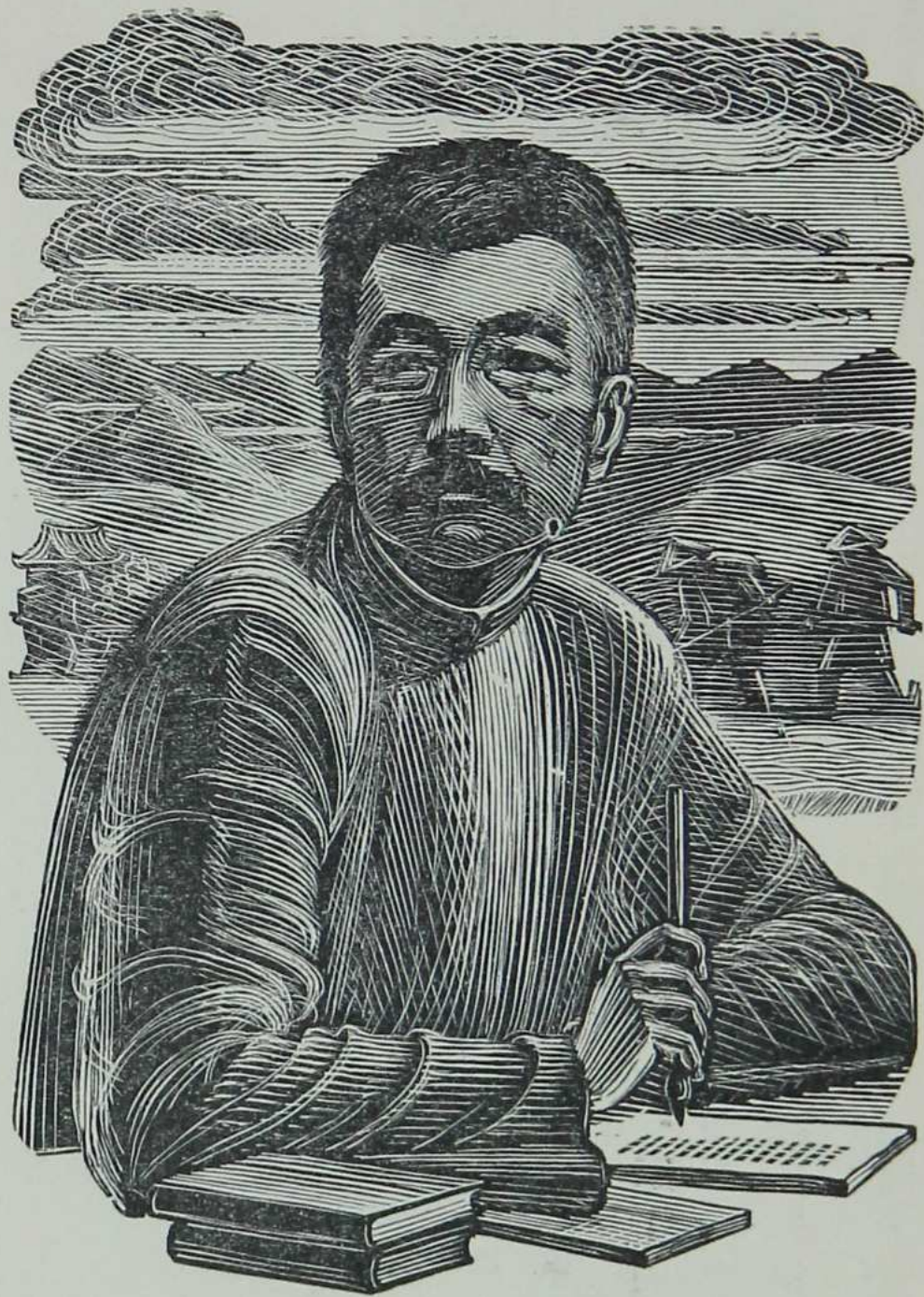
ДЕТГИЗ 1950

π)
2

84(5кит)
Л 82

ЛУ СИНЬ

РОДНОЕ СЕЛО

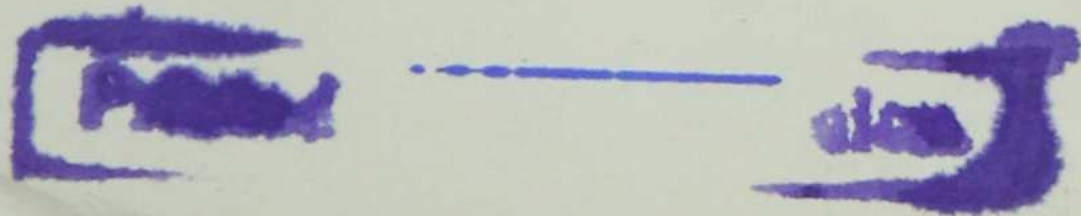
Рассказы

Перевод
с китайского

Гравюры М. Шикова

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1950 Ленинград

**ДАР
ПОЛЕВОГО Л.С.**

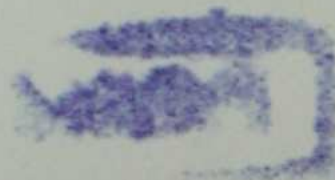
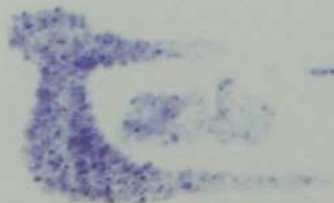
ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

82021

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

ИРК
ИРКУТСК

Предисловие

Когда Лу Синь вспоминал о своей родине, перед ним вставали чудесные картины: золотой диск луны на темносинем небе, песчаный берег океана и далеко-далеко, насколько хватал глаз, изумрудное поле арбузов... певчие птички... разноцветные раковины... летающие рыбки... поездки с матерью в деревню, где он вместе со многими деревенскими мальчишками ловил раков, пас буйволов, ездил ночью на лодке на сельский праздник... Но когда он переводил глаза на окружающих его людей, то видел глубокие морщины на лицах далеко еще не старых крестьян, их руки, грубые, потрескавшиеся, их куртки с тонким слоем ваты, не защищавшие от холода.

Лу Синь видел трудовых людей, которые изнемогали от гнета и эксплуатации.

Великий китайский писатель, пламенный борец за национальное и социальное освобождение ки-

тайского народа, Лу Синь родился в 1881 году, в провинции Чжэцзян. Семнадцатилетним юношей он поступил в мореходное училище, потом в техническую школу, потом учился медицине. Но он видел, что китайский народ надо воспитывать в патриотическом духе и что просветительная работа является очень важной. Лу Синь взялся за перо.

С первых дней своей литературной деятельности Лу Синь провозгласил «искусство для жизни», отбрасывая и осуждая буржуазный лозунг «искусство для искусства». Он говорил, что китайскому народу нужна литература, которая пробудила бы его сознание, звала на борьбу против иноземных захватчиков, против чужеземных и собственных эксплуататоров.

Но писать было небезопасно, а печатать свои произведения трудно. Лу Синю приходилось скрываться от властей. Так как неоднократно издавались указы о его аресте, ему приходилось подписывать свои произведения всякий раз другой фамилией. Семьдесят шесть раз менял Лу Синь псевдонимы, но написанное им было таким резким и ярким, что псевдонимы быстро раскрывались.

Еще с середины XVII века маньчжуры принудили китайцев в знак рабства растить косы. Реки крови были пролиты, целые города вырезаны, прежде чем китайский народ стал носить этот символ маньчжурского ига. Лу Синю и

другим революционерам начала XX века, отрезавшим косы, приходилось не сладко. Это вызвало пристальное внимание со стороны маньчжурских властей. Одно только отсутствие косы означало бунт против иноземных владык.

В 1911 году в Китае вспыхнула революция, которая свергла иноземную маньчжурскую династию. В ней активно участвовал писатель. Но, свергнув власть маньчжуров, революция других свобод китайскому народу не дала. Враги только меняли свою личину, а террор и гнет становились все более жестокими и изощренными. Империалисты Англии, Америки, капиталисты и феодалы Японии, Китая использовали все средства, чтобы превратить народ в послушных им рабов. Но чем дальше, тем сильнее и сплоченнее становился отпор китайского народа. Лу Синь в своих рассказах и политических статьях разоблачал и едко высмеивал всех и все, что обрекало китайский народ на путь рабства. Недаром вождь китайского народа Мао Цзе-дун писал про него:

«В нем не было ни капли рабского подобострастия — самое ценное в человеке колонии и полукolonии».

Лу Синь тщательно изучал старую китайскую литературу, но он не просто читал ее, а отыскивал в ней все передовое, что прежде замалчивали, скрывали и вычеркивали представители официальной китайской науки — конфуциан-

ские схоласты — по приказу императорского дома. Он вскрывал, каким гонениям и казням подвергались люди прошлых веков за смелую мысль, за протест против захватчиков, за призыв к борьбе. Он обратился к народному творчеству, собирал и издавал книги, показав Китаю и всему миру, что в народной толще Китая, как и всех других стран мира, создавалась богатейшая народная литература.

Не менее трудно стало писать Лу Синю, когда власть захватил Чан Кай-ши. Банды фашистских синерубашечников громили передовые издательства, а уходя, оставляли на обломках предупреждение: так будет со всеми, кто осмелится издавать произведения Лу Синя, Мао Дуня, Тянь Ханя и других революционных писателей, кто будет рассказывать о Советском Союзе, кто будет знакомить с советской литературой. Был опубликован список запрещенных книг, в который входили произведения не только революционных писателей Китая, но и собрание сочинений Горького, «Железный поток» Серафимовича, «Разгром» Фадеева и книги других советских авторов.

Цензура свирепствовала так, что иногда от произведения ничего не оставалось. Однажды редакция одного из журналов запросила Лу Синя, что делать, так как от его статьи осталось одно название. «Помещайте одно название, — ответил им Лу Синь, — читатель догадается, где остальное».

Лу Синь очень любил передовую молодежь Китая и всегда поддерживал ее во всех начинаниях. Хотя он не был членом коммунистической партии Китая, но много помогал коммунистам-подпольщикам, в частности довольно долго укрывал в своем доме казненного в 1935 году секретаря коммунистической партии Цюй Цю-бо и его жену.

Лу Синь помогал товарищам, попавшим в беду, поддерживал материально и морально исключенных студентов в их стремлении учиться дальше, издавал за свой счет советские книги. Всегда болея за передовую китайскую молодежь, он тяжело переживал ее гибель и от болезней из-за тяжелых материальных условий и от рук милитаристских и гоминдановских палачей.

Когда в Пекине 18 марта 1926 года была расстреляна мирная демонстрация, Лу Синь с огромной болью в душе писал о гибели многих юношей и девушек.

Глубоко был потрясен Лу Синь известием о расстреле гоминдановскими палачами в феврале 1931 года пяти китайских молодых писателей.

Лу Синь не раз вспоминал о встречах своих с поэтом Байманом. «Помните, — писал он, — одна из встреч произошла жарким днем. В дверь постучали. Это оказался Байман. На нем был толстый ватный халат, по лицу ручьями тек пот, и мы оба невольно расхохотались. И тут он рас-

сказал мне, что освобожден из тюрьмы, что у него отобрали всю одежду и книги. У него не осталось даже рубашки, и он вынужден был надеть длинный ватный халат, взятый им у одного друга». Книги, попавшие в гоминдановскую охранку, оказались сборниками произведений Петефи, которые Лу Синь ранее прислал поэту в тюрьму. Уже давно, еще в начале XX века, когда Лу Синь открыл для Китая Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Мицкевича, он любил певца венгерской революции Шандора Петефи, автора стихотворения «На виселицу королей». При следующем аресте Баймана уже не выпустили из тюрьмы. Вместе с ним погибли и другие писатели. Жоуши, переводчик «Дела Артамоновых» Горького, сумел переслать из тюрьмы два письма, в которых писал, что всех их заковали в кандалы. А потом пришло достоверное известие, что при расстреле в Жоуши попало десять пуль... «Я был подавлен, — пишет Лу Синь в некрологе. — Я чувствовал, что сам я потерял очень близких друзей, а Китай — очень хороших юношей... Писать? Но в сегодняшнем Китае нет места, где можно писать... За тридцать лет я собственными глазами видел столько крови молодых — ее льется все больше, она захлестывает меня, погребает под собой и не дает дышать...»

Лу Синь умер в 1936 году. Пламенный соратник китайских коммунистов, друг трудового

народа Китая, Лу Синь до конца своей жизни боролся с гоминдановскими преступниками.

Родоначальник новой китайской литературы, Лу Синь был лучшим ценителем русской классической и советской литературы. Верный друг Советского Союза, о котором он говорил как о светоче будущего всего человечества, он считал, что русская литература и культура выше, богаче всех других литератур и культур. Он сам переводил и русских классиков и советских писателей на китайский язык: «Мертвые души» Гоголя, «Разгром» Фадеева. Руководствуясь в своей работе во многом постановлением ЦК ВКП(б) о литературе, Лу Синь писал:

«Мы начали познавать русскую литературу во всей ее силе. С самого начала мы увидели в ней руководителя и друга».

Народ называет Лу Синя «китайским Горьким». В этом уже мы видим, какой любовью и уважением пользуется великий писатель у народа, одержавшего окончательную победу над врагами и строящего новую Народную республику и свою новую культуру.

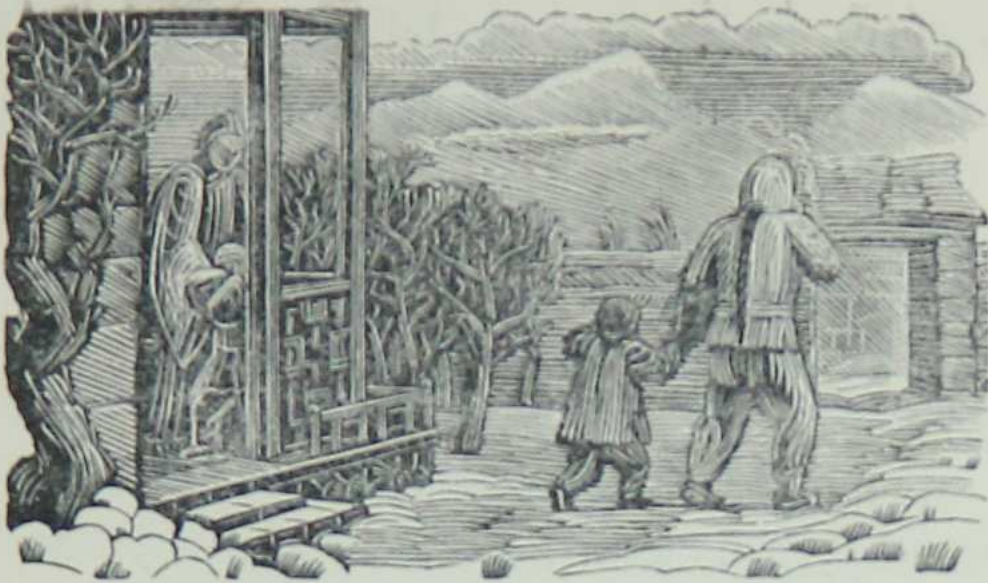
В этой книге юные читатели познакомятся с несколькими рассказами Лу Синя и узнают о прежней жизни китайского народа.

Л. Позднеева

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or introductory paragraph.

Main body of faint, illegible text, appearing to be several paragraphs of a document.

Faint text at the bottom of the page, possibly a signature or footer.

РОДНОЕ СЕЛО

В сильные морозы я возвращался в родное село, с которым расстался больше двадцати лет назад. Мне предстоял путь в две с лишним тысячи ли¹.

Стояла глубокая зима. Погода становилась все сумрачнее, уныло завывал холодный ветер, проникая в каюту джонки. В просветы бамбукового навеса было видно серо-желтое небо и несколько пу-

¹ Около полукилометра.

стынных деревушек, разбросанных по берегам, без малейшего признака жизни. Я смотрел на них, и мое сердце сжимала тоска.

Неужели это и есть мои родные места, память о которых я хранил двадцать лет?

Я представлял себе родное село совсем другим. Оно казалось мне гораздо лучше. Но странно: когда я вдали от него старался вспомнить его красоты или хотел о них рассказать, я ничего не находил в своей памяти, и мне нечего было сказать.

Здесь ничто не изменилось. Родные места все те же, и не так уж они печальны, как мне показалось. Изменилось только мое настроение, — эта поездка домой не сулила мне ничего приятного.

Я возвращался в родные места только для того, чтобы навсегда с ними проститься. Мы продали чужой семье наш старый дом, под кровом которого жил весь наш род. Срок передачи истекал в этом году, и надо было до января поки-

нуть родное жилище. Нашей семье предстояла далекая поездка на чужбину, где я служил.

На другой день, рано утром, я подошел к воротам родного дома. На ветру колыхались стебли засохшей травы, привязанной к гребню крыши, и всем своим запущенным видом дом, казалось, говорил, что пора ему сменить своих хозяев. Все наши родственники, жившие вместе с нами, уже уехали, и в доме было тихо. Только моя мать и восьмилетний племянник Хунэр ожидали моего приезда.

Мать мне очень обрадовалась, но в лице ее была глубокая печаль. Она усадила меня и напоила чаем, не решаясь заговорить о переезде. Хунэр видел меня впервые и издали внимательно поглядывал на меня.

Наконец мы заговорили о предстоящей поездке. Я рассказал, что уже снял квартиру в городе и купил кое-какую мебель. Здесь придется продать все тяжелые вещи и там купить новые. Мать

согласилась со мной: перевозить мебель, конечно, не было смысла. Некоторые вещи она уже продала, только вот деньги никак не могла собрать.

— Ты отдохни денек-другой, — сказала мать, — наведишь родню, а там уж и тронемся.

— Хорошо, — ответил я.

— Да, вот еще Жуньту. Он всегда спрашивает о тебе, когда приходит. Он очень хочет повидаться с тобой. Я ему написала, что ты должен приехать, и он, наверно, скоро придет.

Перед моими глазами промелькнула чудесная картина: золотое колесо полной луны на темносинем небе, песчаный берег моря, и далеко-далеко, насколько хватает глаз, простирается изумрудное поле арбузов. Посреди поля — мальчишка, в руках у него стальная рогатина; что есть силы он заносит ее над хорьком, а тот изворачивается и убегает, проскользнув у него между ног.

Этот мальчик — Жуньту. Я с ним познакомился лет двадцать назад, ему бы-

82021
ло тогда не больше одиннадцати лет. Мой отец был еще жив, и мы ни в чем не нуждались, я рос баричем. В том году наша семья должна была совершить большое жертвоприношение предкам нашего рода. В каждой семье это событие происходит раз в тридцать лет, и поэтому церемония совершается очень торжественно. В январе перед таблицами предков приносят в жертву разнообразную еду на самой лучшей посуде; молящихся собирается так много, что нужно остерегаться, как бы не украли посуду. У нас был только один сезонный батрак¹. Ему трудно было управиться со всей работой, и отец разрешил ему привезти его сына Жуньту стеречь жертвенную утварь. Я очень обрадовался. Я уже давно слышал про Жуньту и знал, что мы с ним сверстники.

¹ У нас батраки бывают трех родов: постоянные, работающие целый год; поденные и сезонные — то-есть крестьяне-бедняки, приходящие помогать по праздникам или во время уборки урожая. (Примеч. автора.)

Я с нетерпением ждал Нового года — в этот день должен был приехать Жуньту. И вот наконец мать мне сказала, что он пришел. Я помчался на кухню.

У Жуньту было круглое лицо цвета бронзы, на голове — маленькая войлочная шапочка, а на шее — блестящий серебряный обруч. Видно, отец его очень любил и, боясь, чтобы он не умер, дал обет Будде и закрепил его обручем. Жуньту всех стеснялся, кроме меня. Оставшись вдвоем, мы разговорились, и не прошло нескольких часов, как мы стали друзьями.

Не помню, о чем мы тогда болтали. Помню только, что Жуньту был очень весел и рассказывал о своей поездке в город, где он увидел много не виданных им прежде вещей.

На другой день я попросил его пойти ловить птиц.

— Сейчас нельзя, — ответил он. — Ловить можно, только когда выпадет большой снег. Дома я расчищаю площадку на песчаной земле, ставлю большую бам-

буковую корзину, подпираю ее колышком и рассыпаю под ней мякину. А сам издали слежу, как прилетают птицы. Когда они начинают клевать, я дергаю за веревочку, привязанную к колышку, и корзина их накрывает. Попадаются всякие: хохлатки, горлицы, синицы...

Мне хотелось, чтобы сейчас же выпал большой снег. Жуньту продолжал рассказывать:

— Теперь слишком холодно, ты приезжай к нам летом. Днем мы собираем раковины на берегу моря — красные, зеленые, разных цветов. Есть такие, которых чорт боится, а иногда попадается раковина — рука богини Гуаньинь. По ночам мы с отцом ходим стеречь арбузы, и ты пойдешь с нами.

— Стеречь от разбойников?

— Нет. Если какой прохожий и сорвет арбуз, чтобы утолить жажду, мы его за вора не считаем. Арбузы надо охранять от зверей: от барсука, от ежа, от ча. Светит луна, и вдруг послышится чавканье: «ча-ча!» — это ча ест арбузы. Бе-

решь рогатину и тихонько подкрадываешься...

Я тогда не знал, что это за зверь такой — ча, да и сейчас не знаю. В то время мне почему-то казалось, что он похож на собачонку и очень злой.

— А он не кусается?

— ...подкрадываешься с рогатиной... как завидишь его, так и коли! Но ча умный, он бросается прямо на тебя и проскользывает между ног. Шерсть у него скользкая, словно намашенная.

Я никогда и не думал, что на свете так много интересных вещей: разноцветные раковины на берегу моря и такие опасные приключения на арбузном поле! Об арбузах я знал только, что их продают в фруктовых лавках.

— ...У нас во время прилива на песке прыгает тьма летающих рыбок; ножки у них вроде лягушечьих.

Ах, как много знал Жуньту удивительных вещей, о которых я и мои товарищи понятия не имели! Жуньту жил на берегу моря, а мы жили в четырех стенах

двора и видели лишь небольшой квадрат неба.

К сожалению, январь прошел и Жуньту должен был вернуться домой. Я громко плакал от горя. Жуньту спрятался на кухне и тоже плакал — он не хотел от нас уходить. В конце концов отец увел его.

Потом он присылал мне из дому с отцом разноцветные раковины и красивые птичьи перья. Я тоже раз или два посылал ему подарки, но с тех пор мы больше не виделись...

Все эти воспоминания, как молния, промелькнули в моей голове, когда мать заговорила о Жуньту. Вот оно, мое родное село! Именно в этих воспоминаниях — вся прелесть моих родных мест.

— Хорошо, что он придет. А как ему живется?

— Ему? О, жизнь у него очень тяжелая! — сказала мать и выглянула в окошко. — Опять идут... Говорят, что хотят купить вещи, а сами тащат, что

попадет под руку. Надо пойти присмотреть.

Мать поднялась и вышла. За дверью слышались женские голоса. Я подозвал Хунэра и стал его расспрашивать, умеет ли он читать, хочет ли отсюда уехать.

— Мы поедem в поезде?

— В поезде.

— А на джонке?

— Сначала на джонке.

— Ха! Вот он какой! И усы какие длинные! — вдруг раздался чей-то странный, пронзительный голос.

Вздрогнув от неожиданности, я поднял голову и увидел широкие, выдающиеся скулы и тонкие губы. Передо мной стояла женщина лет пятидесяти, упершись руками в бока; ее тонкие ноги в синих штанах были похожи на раздвинутый циркуль.

Я оторопел.

— Не узнаешь? А ведь я носила тебя на руках!

Я еще больше растерялся. К счастью,

вошла мать и вмешалась в наш разговор.

— Он ведь давно здесь не был и все забыл. А ты должен бы помнить, — обратилась она ко мне. — Это наша соседка — Ян Эрсао, она живет наискосок и продает доуфу¹.

Я вспомнил. Я был тогда еще ребенком. В лавке, где продавали доуфу, целыми днями сидела Ян Эрсао. Ее все звали «творожная красавица». Но тогда она была набеленная, скулы ее не выдавались так сильно, губы не были так тонки... Она всегда сидела, и я не замечал, что она похожа на циркуль.

В то время все говорили, что только благодаря ей торговля в лавке идет хорошо.

Но я был еще очень мал и она не производила на меня никакого впечатления, поэтому я и забыл о ней. «Циркуль» явно была недовольна мною и презрительно смотрела на меня; так можно

¹ Творог из соевых бобов.

смотреть на француза, не знающего о Наполеоне, или на американца, не слышавшего о Вашингтоне. Холодно улыбнувшись, она сказала:

— Забыл?.. Да, глаза знатных высоко смотрят...

— Да нет же... — Я растерянно приподнялся.

— Вот что я тебе скажу, брат Синь: ты разбогател, перевозить вещи тяжело, да и к чему тебе это старье? Оставь мне: нам, бедным людям, все пригодится.

— Я вовсе не разбогател и должен все продать, прежде чем уеду.

— Ай-я! Ты поставлен начальником округа, а говоришь, что не разбогател! У тебя теперь три жены, паланкин с восемью носильщиками, а все не богат. Хэ! Меня не проведешь.

Я понял, что возражать ей нет смысла, и стоял, не раскрывая рта.

— Ай-я! Ай-я! Вот уж правду говорят: чем больше у человека денег, тем меньше он хочет упустить, а чем меньше он упускает, тем больше у него денег.

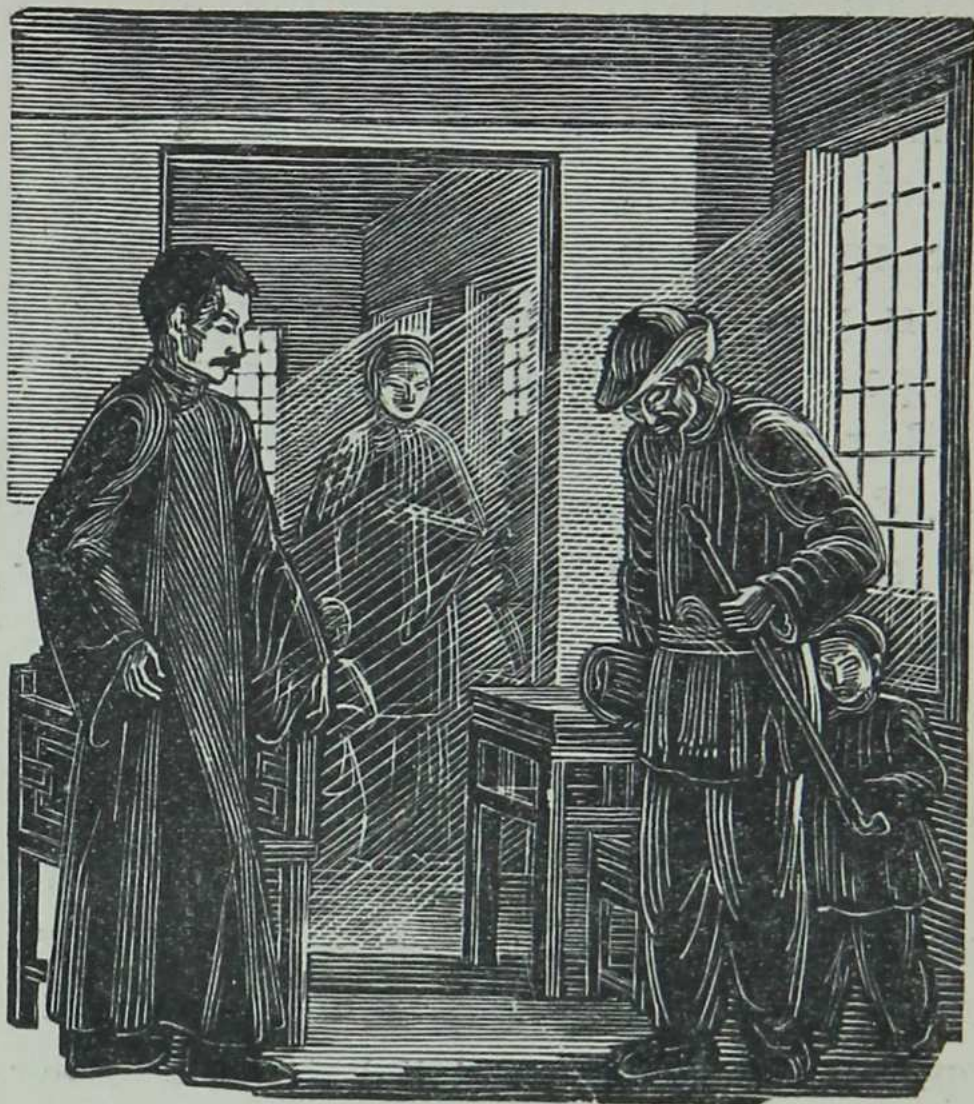
«Циркуль» сердито повернулась и, продолжая тараторить, направилась к выходу; по пути она заткнула за пояс перчатки моей матери.

Потом стали приходить жившие неподалеку родственники и свойственники. Я с трудом урывал свободную минуту, чтобы уложить багаж. Так прошло три-четыре дня.

В холодный день после обеда я пил чай. Вдруг мне послышались чьи-то шаги под окном. Я выглянул и поспешил навстречу.

Это пришел Жуньту. Хотя я и узнал его с первого взгляда, но он был совсем не похож на Жуньту, какого я хранил в своей памяти. Он стал вдвое выше, его прежде круглое бронзовое лицо стало серовато-желтым и покрылось глубокими морщинами; глаза, как и у его отца, покраснели и припухли. Правда, почти у всех крестьян, живущих на берегу моря, бывают такие лица от постоянно дующих морских ветров. На голове у Жуньту была потрепанная войлочная шапка, одет он

был в тонкую ватную куртку и ежился от холода, в руках он держал бумажный

сверток и длинную трубку. Когда-то эти руки были круглые и крепкие, а теперь, грубые и потрескавшиеся, они напоминали кору сосны.

Я очень обрадовался Жуньту, но не знал, с чего начать.

— А, брат Жуньту, ты пришел...

В голове у меня кружилось много слов: хохлатки, летающие рыбки, раковины, ча... Мне казалось, что эти слова посыплются одно за другим, как рассыпается нить жемчуга, но что-то неуловимое мешало мне говорить.

Жуньту стоял передо мной, в его лице были радость и печаль. Он шевелил губами, но ничего не говорил. Наконец он принял почтительную позу и отчетливо произнес:

— Господин...

Я почувствовал, как меня охватила холодная дрожь. Теперь я знал, что нас разделила высокая стена, и печально молчал.

Обернувшись, он кому-то сказал:

— Шуйшэн, поклонись господину, — и вытащил прятавшегося за его спиной ребенка. Это был тот же Жуньту, которого я знал двадцать лет назад, но только лицо у него было чуть желтее и худее и на шее не было серебряного обруча.

— Это мой пятый ребенок... Он еще нигде не бывал, стесняется...

Мать и Хунэр спустились вниз, очевидно услышав наши голоса.

— Госпожа, я давно получил письмо и очень обрадовался, что господин возвращается, — сказал Жуньту.

— Чего это ты так церемонишься? — весело спросила мать. — Ведь раньше вы называли друг друга братьями. Надо по-прежнему: брат Синь...

— Ай-я, что ты, госпожа!.. Разве так будет прилично? Тогда мы были детьми, ничего не понимали.

Жуньту опять приказал Шуйшэну поклониться, но тот смущенно прижался к спине отца.

— Это Шуйшэн? Пятый? Он стесняется. В этом нет ничего удивительного: здесь все незнакомые. Пусть они с Хунэром пойдут погулять, — сказала мать.

Хунэр позвал Шуйшэна, и тот, вздохнув с облегчением, весело пошел за ним. Мать предложила Жуньту сесть. Он нерешительно опустился на стул, прислонив

к столу свою длинную трубку, и протянул мне бумажный сверток.

— Тут немного зеленого горошка, мы сами сушили. Прошу тебя, господин. Зимой больше ничего нет.

Я спросил, как ему живется. Он покачал головой:

— Тяжело. Шестой ребенок уже подрос и помогает, а на еду все нехватает... И вообще беспокойно... Всюду нужны деньги... порядков нет, урожаем плохой... Соберешь кое-что, понесешь продавать, а тут налог за налогом, и продаешь себе в убыток. А если не продать, так погниет.

Он опять покачал головой. Его лицо, изрезанное морщинами, казалось совсем неподвижным, как бы высеченным из камня. Видно, он знал много горя, но не умел высказать всего. Помолчав, он взял свою длинную трубку и закурил.

Из его ответов на вопросы матери я понял, что у него дома много дела и что он обязательно должен завтра вернуться. Узнав, что он не обедал, мать велела ему пойти на кухню и разогреть себе еду.

Он вышел. Мы с матерью погоревали над его участью. Много детей, голод, кабальные налоги, солдаты, чиновники — все это высушило его, как деревянную статую. Мать предложила подарить ему все, что мы не сможем взять с собой, — пусть сам выберет, что ему надо.

Вечером Жуньту выбрал себе несколько вещей: два длинных стола, четыре стула, курильницу, подсвечник, безмен. Он еще хотел взять всю золу от соломы (у нас топливом на кухне служила рисовая солома) — она была ему нужна для удобрения песчаной земли.

Мы уговорились, что к нашему отъезду он приедет и погрузит все это на джонку.

Вечером мы долго беседовали, но не касались ничего серьезного. На другое утро Жуньту взял с собой Шуйшэна и ушел.

Прошло еще девять дней, и наконец наступил день отъезда. Жуньту приехал с утра, но вместо Шуйшэна он привез с собой пятилетнюю дочку, чтобы она по-

караулила лодку. Весь день мы провели в хлопотах, и поговорить нам больше не удалось. Гостей собралось немало: кто пришел провожать, кто за вещами, а кто — за тем и за другим. К вечеру, когда мы садились в джонку, наш дом как будто вымели, в нем ничего не осталось — ни больших, ни маленьких, ни старых, ни сломанных вещей.

Наша джонка шла вперед, и горы по берегам, темносиние в вечерних сумерках, медленно уплывали от нас.

Стоя у окна джонки, мы с Хунэром любовались сумрачной красотой природы. Вдруг Хунэр спросил:

— Дядя, а когда же мы вернемся?

— Вернемся? Ты еще не успел уехать, а уже думаешь о возвращении!

— Шуйшэн звал меня к себе играть.— Хунэр задумался, широко раскрыв большие черные глаза.

Я и мать тоже загрустили, мы вспомнили Жуньту. Мать рассказала мне, что «творожная красавица» Ян Эrsaо, которая приходила к нам каждый день с тех

пор, как мы начали собираться в путь, на-днях нашла в куче золы десяток чашек и тарелок. Посудачив об этом, она решила, что это дело рук Жуньту. Приехав за золой, он мог бы увезти и посуду. Ян Эрсао сочла, что оказала нам большую услугу, и, прихватив с собой кормушку «собакам назло»¹, быстро убежала, если только можно бегать в туфлях на таких толстых подошвах, специально сделанных для того, чтобы ноги казались маленькими.

Все дальше и дальше отплывал я от своего старого дома, вдаль уходили от меня родные места, но я не жалел, что расстаюсь с ними.

Мне казалось, что невидимые стены окружают меня со всех сторон и отделяют от мира; мне стало тоскливо. Фигурка маленького арбузного героя с серебряным обручем на шее, прежде такая

¹ Кормушка для кур — деревянный таз с решетчатой крышкой, приспособленной для того, чтобы собаки не съедали куриный корм.

отчетливая, теперь потускнела, и это причиняло мне боль.

Мать и Хунэр уснули.

Я лежал и, прислушиваясь к журчанию воды, думал о том, что я в жизни иду своим путем.

«Наши пути с Жуньту далеко разошлись, — сказал я себе, — но дети еще близки друг другу. Разве Хунэр не думает сейчас о Шуйшэне? Я верю, что их не разделит высокая стена и что им не придется жить ни в таких мучительных скитаниях, как живу я, ни в таком тяжелом отупении, как живет Жуньту; и не будет у них такой горькой злобы в душе, как у других. Они должны жить новой жизнью, какой мы не знали...»

Мне вдруг стало страшно. Когда Жуньту попросил курильницу и подсвечник, я внутренне посмеялся над тем, что он все еще поклоняется идолам. А разве то, что я называю мечтой, — не идол, созданный мною?

Сквозь дремоту я видел изумрудный берег и золотую луну на темносинем сво-

де и думал: «Мечта — это не то, что уже существует, но и не то, чего не может быть. Как на земле: дороги нет, а пройдет много людей — и проложат дорогу».

ЗАВТРА

— Ни звука не слышно. Что такое с малышом? — пробормотал Лао Гун, по прозвищу Красноносый, приподнимая большую чашку с желтым вином и кивая на стену, за которой находился соседний дом.

Лань Пи поставил свою чашку и прислушался...

Местечко Лучжэнь славилось своим пристрастием к тишине. В нем даже сохранилось еще несколько приверженцев

старинны, которые запирали свои дома и укладывались спать, едва наступал вечер. До глубокой ночи бодрствовали лишь в двух домах: в винной лавке «Сянь Хэн», где, собравшись вокруг стойки, за вином и едой веселились собутыльники, да рядом, в доме Шань Сы, которая осталась с позапрошлого года вдовой. Чтобы собственными руками прокормить себя и своего трехлетнего сына, она занималась сучением пряжи.

Но вот уж несколько дней, как в доме Шань Сы умолкла прялка. А так как до глубокой ночи бодрствовали лишь в этих двух домах, то, конечно, только Лао Гун с его приятелями могли слышать шум прялки за стеной, и только они могли заметить, что прялка в доме Шань Сы умолкла.

Шань Сы в это время укачивала своего сына, сидя на краю кровати. На полу сиротливо стояла заброшенная прялка. Тусклый свет лампы падал на багрово-синее личико ребенка. Шань Сы думала: «И к предсказателю я обращалась, и обет

давала, и домашними лекарствами поила — ничего не помогает. Что еще делать? Остается пойти с ним на прием к Хэ Сяосяню. Но, может быть, Бао Эру только ночью тяжело, а днем станет легче — с восходом солнца жар спадет и дыхание успокоится. С больными часто так бывает».

Шань Сы была женщина темная и не понимала, какая страшная опасность таится в слове «но». Правда, из-за него и плохое иногда счастливо кончается, зато сколько хорошего кончается печально!

Летние ночи коротки. Не много времени прошло с тех пор, как Лао Гун перестал мурлыкать свою песенку, а на востоке небо уже побледнело, и в оконную щель проникли серебристые лучи утренней зари.

Шань Сы не так легко было дожидаться рассвета, как другим. Ей казалось, что утро наступает слишком медленно. Каждый вздох Бао Эра длился чуть не целую вечность. Наконец рассвет наступил и

восторжествовал над светом лампы. Тогда Шань Сы увидела, что ноздри Бао Эра трепещут, словно веер.

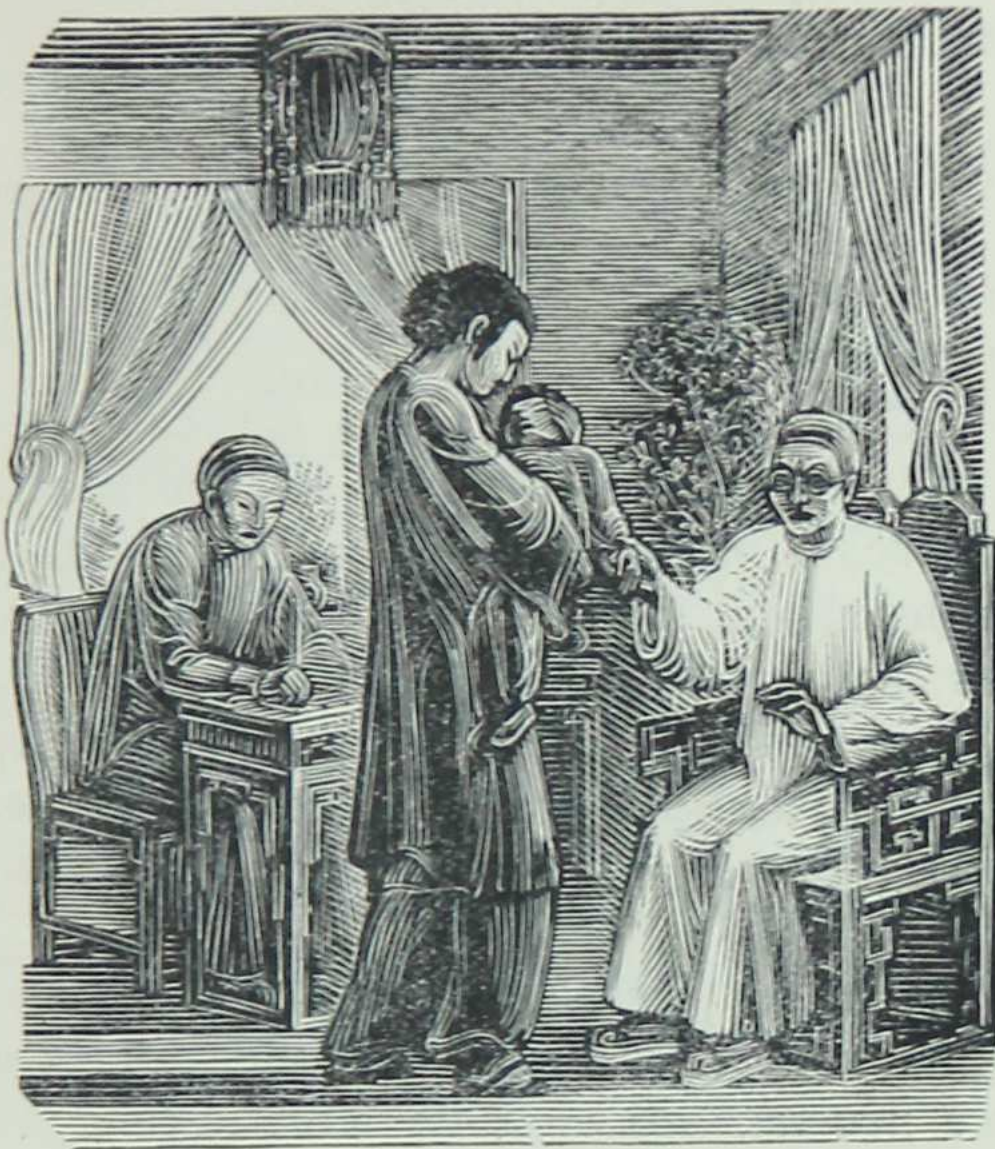
Она поняла, что ребенку плохо, и тихонько вскрикнула:

— Ай-я! Что же делать? Надо нести его к Хэ Сяо-сяню, это единственный выход!

Шань Сы была женщина темная, но решительная. Она вытащила из деревянного сундучка свои сбережения, скопленные по грошам, — тридцать серебряных и сто восемьдесят медных монеток, и сунула их в карман, потом заперла двери и с ребенком на руках торопливо направилась к дому Хэ Сяо-сяня.

Было еще очень рано, но у Хэ Сяо-сяня уже сидело четверо больных. Шань Сы вынула из кармана несколько монет и купила билетик с предсказанием. Наконец она подошла к Хэ Сяо-сяню. Он протянул руку и стал двумя пальцами прощупывать у ребенка пульс. Ногти у Хэ Сяо-сяня были такие длинные, что Шань Сы даже удивилась и, преиспол-

нившись уважения, подумала: «Бао Эр обязательно поправится». Однако у нее

нехватило сил скрыть свою тревогу, и, не утерпев, она робко спросила:

— Господин, скажите, что с моим Бао Эром?

— У него жар.

— А это не опасно? Он...

— Пусть он сперва проглотит две пилюли.

— Ему трудно дышать, у него дрожат ноздри...

Хэ Сяо-сянь закрыл глаза, и Шань Сы не посмела еще раз обратиться к нему с вопросом.

Сидевший напротив Хэ Сяо-сяня человек лет тридцати успел тем временем выписать рецепт. Указывая на несколько иероглифов, написанных в углу рецепта, он сказал:

— Эти пилюли — лучшее лекарство для детей. Если хотите достать хорошие, обратитесь в аптеку Цзи Ши-лао, в доме семьи Цзя.

Получив рецепт, Шань Сы вышла. Хотя она была женщина темная, но все же поняла, что от дома Хэ Сяо-сяня до аптеки Цзи Ши-лао ближе, чем от ее дома, и, конечно, удобнее раньше купить лекарство, а потом возвратиться домой. И Шань Сы поспешила прямо в аптеку

Цзи Ши-лао. Приказчик, любуясь своими длинными ногтями, долго рассматривал рецепт, потом медленно завернул лекарство. Шань Сы с ребенком на руках ждала стоя.

Вдруг Бао Эр вскинул ручонку и стал дергать себя за волосы, спутанные, как комок шелковой пряжи. Он прежде никогда так не делал, и Шань Сы замерла от испуга.

Солнце уже стояло высоко. Шань Сы возвращалась домой; в руках у нее были пакет с лекарством и ребенок; чем дальше она шла, тем тяжелее становилась ее ноша.

Бао Эр все время метался, и путь от этого казался еще длиннее. В изнеможении Шань Сы присела на дороге, у ограды присутственного места. Она вся была в поту, и ее одежда прилипла к телу. Бао Эр притих; казалось, он заснул.

Она с трудом поднялась и, едва передвигая ноги, поплелась дальше. Вдруг над ее ухом кто-то произнес:

— Шань Сы, дай я тебе помогу нести твоего сорванца!

Это был голос Лань Пи. Шань Сы подняла голову и увидела, что рядом действительно шагает Лань Пи. Глаза у него были мутные и сонные.

Лань Пи протянул руки и взял у нее ребенка.

Они пошли вместе. Лань Пи что-то говорил ей, но Шань Сы почти не отвечала. Пройдя немного, он остановился и передал ей ребенка, сказав, что его ждет приятель, с которым он еще вчера сговорился вместе пообедать. Шань Сы взяла ребенка. К счастью, до ее дома уже было недалеко. Издали она заметила, что у ворот сидит бабушка Ван Цзю.

— Как твой ребенок, Шань Сы? Была ты у доктора?

— Была-то была... Бабушка Ван Цзю, ты много видела на своем веку, взгляни-ка лучше ты своим старым, опытным глазом, что с ним?..

— Гм...

— Ну как?

— Гм... — Бабушка Ван Цзю внимательно посмотрела на ребенка, вздохнула и покачала головой.

Был уже полдень, когда Бао Эр проглотил лекарство. Шань Сы внимательно следила за ним. Казалось, ему стало легче дышать. К вечеру он неожиданно приоткрыл глаза, позвал: «Мм...» и сразу заснул. Не проспал он и четверти часа, как на лбу и на крыльях носа у него стали одна за другой выступать бусинки пота. Осторожно вытирая их, Шань Сы почувствовала, что ее пальцы стали липкими. Растерявшись, она коснулась рукой груди сына и, больше не сдерживая себя, заплакала. Неслышное дыхание ребенка быстро ослабевало. Тихие всхлипывания Шань Сы перешли в рыдания.

Во дворе столпились люди. Бабушка Ван Цзю и Лань Пи вошли в комнату, другие, среди которых были хозяин винной лавки и Лао Гун, остались на дворе. Бабушка Ван Цзю стала распоряжаться.

Она сожгла связку бумажных жертвенных денег и, заложив кое-какие вещи, достала для Шань Сы два доллара: необходимо было приготовить угощение для тех, кто ей будет помогать.

Прежде всего надо было достать гроб. У Шань Сы сохранились еще пара серебряных сережек и позолоченная шпилька. Их отдали в заклад хозяину винной лавки, с тем чтобы он заплатил за гроб. Лань Пи, подняв руку, предложил свою помощь в этом деле; бабушка Ван Цзю разрешила ему только завтра отнести на кладбище гроб.

Вечером вернулся хозяин винной лавки и сказал, что гроб будет готов под утро. К тому времени, когда он вернулся, все помогавшие Шань Сы уже отужинали и, по лучжэнскому обычаю с наступлением темноты ложиться спать, к восьми часам разошлись по домам. Лишь в винной лавке «Сянь Хэн» Лань Пи, опершись о прилавок, тянул вино да Лао Гун бормотал свою песенку.

Шань Сы осталась одна и безутешно

плакала, сидя на краю кровати. Бао Эр лежал тут же. На полу безмолвствовала прялка. Прошло много времени. Казалось, Шань Сы наконец выплакала все слезы. Глаза ее опухли. Она огляделась вокруг с каким-то странным чувством: она не верила тому, что произошло. «Нет, нет, — говорила она себе, — я сплю... Утром проснусь и увижу, что рядом спит Бао Эр. Он тоже проснется, крикнет «ма» и начнет играть и прыгать».

Давно умолкла песня Лао Гуна, и в лавке «Сянь Хэн» погасли огни.

Шань Сы открыла глаза. Запели петухи, небо на востоке побледнело, и свет утренней зари проник в оконную щель.

Серебристая заря постепенно наливалась пурпуром. В комнату скользнул луч солнца. Шань Сы неловко приподнялась и села. Кто-то постучал в дверь. Пересилив испуг, Шань Сы бросилась отпирать. За дверью стоял незнакомый человек, позади него — бабушка Ван Цзю.

Ай-я! Они принесли гроб.

Во второй половине дня на гроб положили крышку. Шань Сы плакала, не отрывая глаз от Бао Эра. Никто не решился закрыть гроб наглухо. Наконец бабушка Ван Цзю, позволив Шань Сы вволю наплакаться, решительно подошла и отвела ее в сторону. Тем временем гроб быстро заколотили.

Шань Сы измучилась и почти перестала понимать, что происходит вокруг. Все необходимое уже сделано. Связка бумажных жертвенных денег сожжена еще вчера, утром сожгли сорок девять свитков с погребальными заклинаниями. Бао Эр одет во все новое. Его любимые игрушки — глиняный человечек, две деревянные чашечки и две бутылочки — стоят у изголовья гроба. Бабушка Ван Цзю, старательно прикинув на пальцах, не обнаружила никаких упущений.

В этот день Лань Пи совсем не пришел, и хозяин винной лавки нанял для Шань Сы двух носильщиков, за двести десять центов каждого, чтобы они отнес-

ли и поставили гроб на кладбище. Бабушка Ван Цзю еще раз помогла Шань Сы приготовить для всех угощение. После еды, когда солнце спустилось за горы, все стали собираться домой и незаметно разошлись.

Шань Сы почувствовала, что у нее сильно кружится голова. Немного погодя она отдышалась, но в мыслях у нее все спуталось. Так с нею никогда не бывало.

Чем больше она пыталась постигнуть происшедшее, тем оно становилось непостижимей. Она сделала странное открытие: комната, в которой она жила столько лет, вдруг стала очень большой и слишком тихой.

Шань Сы зажгла лампу и еще острее почувствовала, как опустела комната. Она заперла дверь, потом присела на край кровати. На полу сиротливо стояла прялка. Шань Сы сосредоточенно оглядела комнату и почувствовала, что не в силах больше сидеть так. Со всех сторон пустота окружала Шань Сы, и став-

шие ненужными вещи давили ее. Она не могла дышать.

Теперь она осознала, что Бао Эр действительно умер. То, что ей казалось невозможным, стало действительностью. Не желая больше смотреть на комнату, она погасила лампу и легла. Она плакала и думала: «Ведь было время, когда я пряла пряжу, а Бао Эр сидел подле меня, ел бобы со сладким анисом и поглядывал на меня своими черными глазенками. Как-то раз он задумался и сказал: «Ма! Отец продавал пельмени. Когда я вырасту, я тоже стану торговать пельменями, наторгую много-много денег и все отдам тебе».

Тогда и тонкая пряжа, тянувшаяся дюйм за дюймом, словно оживала под ее рукой.

А что теперь? На этот вопрос Шань Сы не могла найти ответа.

Я говорил уже, что она была женщина темная, какой же ответ могла она найти? Она только чувствовала, что комната стала слишком большой, тихой и пустой.

вот и все. Но все же она понимала, что душа не может возвратиться и что ей больше не увидеть Бао Эра. Вздохнув, она сказала вслух:

— Бао Эр, ты должен быть здесь по-прежнему. Ведь ты будешь приходить ко мне во сне? Правда? — Она закрыла глаза, чтобы поскорее заснуть и увидеться с Бао Эром.

В наступившем безмолвии и необычайной пустоте она слышала свои горестные вздохи.

Сон незаметно овладел ею, и в комнате воцарилась полная тишина. Умолкла и песенка Лао Гуна за стеной. Он вышел из винной лавки и насмешливо запричитал:

— Бедняжка моя, как жаль мне тебя, сиротинка ты!..

Лань Пи крепко ухватил его за плечо, и они побрели, смеясь, спотыкаясь и толкая друг друга на каждом шагу.

Шань Сы спала. Лао Гун и Лань Пи ушли. В лавке «Сянь Хэн» заперли дверь, и местечко Лучжэнь погрузилось в пол-

ный покой. Лишь темная ночь мчалась
сквозь эту тишину, чтобы скорее превра-
титься в завтрашний день, да где-то во
мраке завывали одинокие псы.

СЕЛЬСКИЙ ПРАЗДНИК

По обычаям нашего городка Лучжэня, замужние женщины, кроме старших в доме, уезжали на лето к своим матерям. Моя бабушка со стороны отца была еще крепка, но часть домашних дел уже лежала на моей матери, и поэтому она не могла надолго оставлять хозяйство. Только после «уборки могил»¹ мы с матерью проводили у бабушки несколько дней.

¹ Весенний обряд на могилах родных.

Пинцяо, где жила бабушка, была маленькая глухая деревушка: десятка три домов на берегу реки, недалеко от моря. Там жили крестьяне и рыбаки, и только в одном хозяйстве держали мелочную лавку.

Мне деревушка казалась раем — здесь мне предоставлялись всяческие побряжки и, кроме того, разрешалось прекратить зубрежку старинных книг:

Тихо, тихо струится поток,
И пустынно на юге, в горах...¹

Все жители Пинцяо носили одну фамилию, принадлежали к одному роду, и гость, приехавший в одну семью, становился гостем всей деревни. По случаю приезда гостя родители давали мальчикам меньше работы и отпускали играть. Товарищей для игр находилось много. Мы были равны по возрасту, но не по родству: одни мальчики считались старшими в роде, другие по меньшей мере приходились

¹ Стихи из древней «Книги песен», которая заучивалась детьми в школе наизусть без объяснения смысла.

дядями. Но все мы были друзьями, и если в споре случалось побить старшего в роде, ни старым, ни малым и в голову не приходила мысль об «оскорблении старшего» — ведь девяносто девять процентов в деревне были неграмотны¹.

Почти каждый день мы копали червей, нанизывали их на крючки из медной проволоки и, лежа на животе на берегу, удили шримсов². Шримс — водяной дурачок, он бесстрашно хватает крючок клешнями и отправляет его себе в рот. Их скоро набиралась большая чашка, и обычно весь улов отдавался мне на съедение. Затем мы все вместе отправлялись пасти стадо. Но быки и буйволы — это не шримсы: они нападают даже на учащихся. И я, не решаясь приблизиться к ним, то стоял, то шел за стадом в почтительном отдалении, и тогда

¹ По китайским обычаям, с юных лет должно было соблюдаться уважение к старшим в роде. Но эти обычаи соблюдались, конечно, господствующим классом — «грамотными».

² Мелкие раки.

от насмешек товарищей не спасало меня даже умение читать наизусть:

Тихо, тихо струится поток,
И пустынно на юге, в горах...

Но самой желанной для меня была поездка в театр в Чжао, довольно большое село в пяти ли от Пинцяо. Деревня Пинцяо слишком мала, и пригласить к себе театральную труппу ей было бы слишком дорого. Жители Пинцяо ежегодно вносили определенную сумму денег на приглашение артистов, так что театр считался общим предприятием. Тогда я не задумывался над вопросом, почему в деревнях ежегодно устраивают представления, теперь же полагаю, что устраивались они либо во время весеннего моления о дожде, либо в честь сельского бога земли.

И наконец, когда мне исполнилось одиннадцать лет, я дождался исполнения своего желания. Но оказалось, что в этот день уже с утра нельзя было найти лодки. В Пинцяо имелась только одна большая плоскодонка. По утрам она уходила

на другой берег и возвращалась лишь к вечеру. Брать ее для отдельной семьи не полагалось. Все остальные лодки были малы и неудобны. Послали в соседнюю деревню, но оказалось, что и там все лодки разобрали с утра. Бабушка моя от огорчения разворчалась на домашних, которые не сумели заранее позаботиться обо всем. Мать успокаивала ее: все это не важно, ведь у нас в Лучжэне театр много лучше и мы бываем в нем по несколько раз в год. И только я один чуть не плакал с досады. Мать запретила мне капризничать и сердить бабушку, не разрешила она мне и отправиться с кем-нибудь другим, опять-таки чтобы не тревожить бабушку.

После полудня все было кончено. Все мои дружки уехали. Представление началось, и мне казалось, что я слышу удары в гонги и барабаны и вижу, как мои товарищи пьют соевое молоко¹ под сценой².

¹ Сладкий горячий напиток.

² Ввиду жары торговцы во время праздников устраиваются со своим товаром под сценой.

В тот день я не пошел удить шримсов и почти ничего не ел. Моя мать очень огорчилась, но ничего не могла со мной поделать. К ужину наконец и бабушка обо всем догадалась и заметила, что так за гостями не ухаживают, что все обленились и я имею право сердиться.

После ужина съехалась молодежь, весело обмениваясь впечатлениями о спектакле. Но, заметив, что я не раскрываю рта, все принялись сочувственно вздыхать. И вдруг Шуанси, самому старшему и умному из всех, пришла в голову мысль:

— Нужна большая лодка? Так ведь вернулась плоскодонка Восьмого деда!¹

Все подхватили его предложение и стали просить у взрослых разрешения на поездку. Я было обрадовался, но бабушка забеспокоилась: нельзя, мол, полагаться на детей, да и мать добавила: отпра-

¹ В Китае до последнего времени жили большими семьями, и счет детям у братьев велся общий — один для мальчиков, другой для девочек.

влять с нами взрослых не годится — днем всем предстоит работать, нельзя же томиться всю ночь без сна! Но тут Шуанси покончил со всеми сомнениями:

— Я беру все на себя. Лодка большая, все мы привыкли к воде, а брат Синь никогда не балуется.

И верно. Все мальчики умели плавать, а двое или трое из них даже славились как пловцы в бурную погоду.

Бабушка с матерью доверились ему, улыгнулись и больше не возражали. Мне стало так легко и радостно, словно какая-то тяжесть спала с моего сердца. Я шумно бросился за ворота и тут же при лунном свете увидел причаленную плоскодонку под белым парусом. Все попрыгали в лодку. Шуанси вытащил передний багор, Афа — задний, младшие уселись вместе со мной в каюте, мальчики постарше собрались на корме. А когда мать вышла с напутствием «быть поосторожнее», мы уже оттолкнулись на несколько футов назад, стукнулись о камни и пошли из-под моста вперед. Вста-

вили в уключины два длинных весла, и на каждое весло село по два гребца с уговором меняться через каждое ли. Под смех и крики, сливавшиеся с шумом волны, поднимаемой носом лодки, мы быстро пошли к селу Чжао.

От изумрудных полей, засеянных бобами и пшеницей, от водорослей с реки шел приятный запах. Речная прохлада обвевала лицо. В воде туманно отражался свет луны. Горы цепью то вздымались, то опадали, точно за нашей кормой гнались, готовясь к прыжку, какие-то хищные звери. А мне все казалось, что лодка идет медленно. Когда гребцы сменились четвертый раз, вдали как будто показались редкие дома села Чжао, почудилась песня, замелькали огоньки. Но, может, то просто рыбацьи огни. А звуки флейты лились и замирали.

Вместе с музыкой и душа, охваченная покоем, как будто растворялась в полном сочных ароматов ночном воздухе.

Огоньки приблизились. То оказались рыбаки. И мне стало ясно, что я принял

за село кедровую рощу, с которой сейчас поровнялся нос нашей лодки. В эту рощу мы ездили на прогулку в прошлом году и видели там валявшихся на земле сломанных каменных коней и каменного барана, точно присевшего в траве. Проехав рощу, лодка зашла в залив, и перед нами открылось село Чжао.

Мои взоры притягивала театральная площадка, возвышавшаяся на пустыре у реки перед деревней. При лунном свете смутно угадывались ее очертания. Мне почудилось, что передо мной встала страна бессмертных, которую мне приходилось видеть на картинах.

Тут лодка пошла быстрее, и вскоре на сцене показались люди, задвигалось что-то красное и зеленое, а на реке вблизи сцены зачернели паруса лодок приехавших в театр зрителей.

— Ближе к сцене места не найдется, придется смотреть издалека, — заметил Афа.

Лодка замедлила ход. Мы приехали. Пробраться ближе, конечно, не удалось,

и пришлось сложить багры за палаткой «бога земли»¹, находившейся напротив самой сцены. Правда, нашей плоскодонке и не следовало бы становиться по соседству с лодками под черными парусами, да и места для нас не нашлось...

Пока другие суетились, причаливая к берегу, я разглядел на сцене актера с длинной черной бородой, с длинным копьём и четырьмя флагами² за спиной, который дрался против целой толпы полубога обнаженных людей. Шуанси назвал его знаменитым актером «Железная голова»: «Я сам сосчитал, что он кувыркался восемьсот четыре раза подряд».

Сбившись в кучку на носу лодки, мы смотрели на битву, но знаменитый «Железная голова» ни разу не кувыркнулся; кувыркались лишь полуголые воины, но скоро и они ушли со сцены.

¹ Театр устраивается в честь бога земли, поэтому таблицу, изображающую бога, переносят из храма на площадку и помещают в палатке на почетном месте.

² Принадлежность полководца.

Затем появилась маленькая артистка
и запела, защебетала. Шуанси пояснил:

— Ночью зрителей мало, вот «Железная голова» и разлеился. Кому приятно тратить свой талант перед пустым местом?

И это было верно. У сцены оставалось не много народу. Деревенские не могли смотреть спектакль всю ночь напролет, они давно уже отправились спать — ведь назавтра им предстояла работа. Виднелись лишь десятки бездельников из этого села и окрестных деревень. Конечно, в лодках под черными парусами приехали семьи местных богачей, но их внимание привлекала не пьеса. Большинство из них собралось лишь поесть печенья, фруктов да пощелкать семечки, продающиеся под сценой. Всех их можно было считать пустым местом.

Но меня тянуло сюда не кувырканье. Больше всего мне хотелось видеть борьбу змея с тигром, когда актер в белом одеянии, изображая духа змеи, держал руками на голове тонкую, как палка, змеиную голову, а другой актер, в желтом костюме, прыгал точно тигр. Но этой пьесы я не дождался, и после маленькой артистки появился очень старый актер в роли молодого человека. Я устал и попросил Гуйшэна купить мне соевого

молока. Но он вернулся с пустыми руками:

— Молока нет. Глухой продавец уже ушел домой. Еще днем я выпил у него две чашки. А теперь придется зачерпнуть тебе ковш воды.

Воды мне не хотелось. Опершись о борт лодки, я все смотрел на сцену, но теперь не могу припомнить, что я еще видел. Лица актеров становились какими-то странными, плоскими, все сливалось в одно пятно. Мальчики поменьше зевали, а постарше болтали о своих делах. Но вдруг началось новое действие: маленького комика в красном привязали к столбу, а седовласый старик принялся стегать его извозничьим кнутом. Тут все оживились и захохотали. По-моему, это было самое лучшее за весь вечер.

Но вот на сцене появилась старуха. Я боялся, что она долго будет петь, а больше всего — что она усядется. И это было общим опасением. У всех сразу понизилось настроение. Сначала старуха все пела, расхаживая взад и вперед, а

подконец действительно уселась в кресло. Я забеспокоился, а Шуанси и другие принялись ругаться. Я ждал терпеливо и, когда старуха подняла руку, подумал, что она наконец встанет и уйдет, но она снова тихо опустилась на прежнее место, все так же продолжая петь. У нас в лодке одни вздыхали, другие зевали. Наконец Шуанси не вытерпел:

— Старуха, пожалуй, и до завтра не кончит! Лучше уехать.

Все сейчас же согласились с ним. Трое или четверо мальчишек так же быстро, как при отплытии, побежали на корму, вытащили багры, оттолкнулись от берега на несколько сажений назад, повернули нос, вставили весла в уключины и, продолжая ругать старуху, направили лодку к сосновой роще.

Казалось, мы пробыли в театре совсем недолго. Луна еще не зашла, и стоило нам отойти от села, как свет ее показался особенно ясным. Я оглянулся на сцену, окутанную красным туманом от фонарей, и, как до приезда сюда, мне

снова почудилась башня с бессмертными где-то далеко в горах.

Снова полились, замирая, звуки флейты. «Старуха, наверно, уже ушла», подумал я, но проситься обратно было неудобно.

Роцца вскоре осталась позади. Лодка шла хорошо. Но тьма вокруг нас все сгущалась, очевидно наступила полночь. Ругаясь и смеясь, все судачили об артистах, но гребли усиленно. Плоскодонка неслась в пене волны, точно большая белая рыба с кучкой ребят на спине. Несколько старых рыбаков, выехавших на ночной лов, даже останавливали свои суденышки, чтобы полюбоваться на нас и крикнуть нам что-то одобрителное.

До деревни осталось только одно ли, и лодка замедлила ход. Гребцы перестали и теперь жаловались на усталость и на голод: все давно не ели. На этот раз нашелся Гуйшэн:

— Бобы как раз созрели, а хворост есть в лодке. Можно наворовать бобов, сварить и поесть.

С общего согласия, сразу же причалили к берегу. Поле, казалось, было усеяно масляно-черными спелыми бобами.

— У кого же нам воровать? — спросил Шуанси, спрыгнув на берег. — Вот здесь ваши, Афа, а там — старого Лю И.

Мы все попрыгали с лодки.

— Подождите, дайте я посмотрю, — на ходу проговорил Афа.

Он прошелся туда и обратно, пошарил и выпрямился:

— Лучше у нас: наши много крупнее.

Откликнувшись, все мы рассыпались по полю Афа, мигом набрали полные горсти бобов и побросали их в лодку. Но Шуанси сообразил, что больше воровать тут нельзя — мать Афа примется плакать, ругаться, — и тогда все принесли еще по горсти с поля старого Лю И. Старшие принялись потихоньку грести, несколько человек отправилось в каюту разводить огонь. А я с младшими лушил бобы. Скоро бобы сварились. Все

собрались вокруг огня и принялись есть руками, предоставив лодку течению. Покончив с бобами, одни снова взялись за весла, а другие стали мыть посуду и выбрасывать шелуху в воду, чтобы не оставить следов.

Шуанси тревожился за соль и дрова. Хозяин лодки был старик аккуратный, он мог сразу заметить пропажу и поднять шум. Но мы решили не бояться его, а если начнет ругаться, то отдать ему высохшее дерево цзю¹, которое мы подобрали на берегу в прошлом году, да еще обозвать его в лицо «Восьмой паршивый».

— Все вернулись! Всё в порядке! Я же поручился! — вдруг закричал на носу Шуанси.

Я взглянул на нос. Перед нами лежала Пинцяо. Кто-то стоял у моста — то была моя мать. Ей и кричал Шуанси. Мы попрыгали на берег. Мать и сердилась и радовалась, то упрекая, что про-

¹ Из дерева цзю выделывают черную краску.

шла уже третья стража¹, а нас все не было, то приглашая всех к нам поесть жареного риса.

Но все отказались — поели, мол, печенья, хотят поскорее заснуть — и разошлись по домам.

На другой день я встал чуть ли не в полдень и, не слыша попреков из-за пропажи соли и дров у старого Восьмого деда, отправился удить шримсов.

— Это вы, чертенята, воровали у меня вчера бобы? Да и потоптали немало, не сумели собрать как следует!

Я поднял голову. То оказался старик Лю И, ездивший на лодке продавать бобы. На дне у него осталась их целая куча.

— Сперва мы не собирались брать с твоего поля, да ведь мы ухаживали за гостем, — ответил Шуанси. — Смотри, ты распугал у меня шримсов.

При виде меня старик Лю И бросил грести и засмеялся:

¹ Ночные сторожа дежурят по два часа, третья стража — с одиннадцати часов до часа ночи.

— «Ухаживали за гостем»? Ну, это дело нужное! — И обратился ко мне: — Хороша ли вчера была пьеса, брат Синь?

— Хороша. — Я кивнул головой.

— А бобы вкусные?

Я снова кивнул:

— Очень вкусные.

Старик вдруг необычайно расчувствовался, поднял кверху большой палец и с довольным видом произнес:

— Вот уж верно! Человек ученый, да из большого города, знает толк в продуктах! Перед посевом я отбираю бобы по зернышку. А наши деревенские не разбираются, что лучше, а что хуже, да еще говорят, что у меня бобы хуже, чем у других. Я сегодня же отнесу твоей матери попробовать... — И, взмахнув веслом, он поехал дальше.

Когда мать позвала меня ужинать, я прибежал домой и увидел на столе большую чашку вареных бобов — подарок мне и матери от старика Лю И. Говорили, что он во-всю расхваливал меня:

«Годами маленький, а знает немало. Он должен, конечно, выдержать экзамен первым. Можно поручиться за твое счастье, тетушка!»

Но бобы мне показались не такими вкусными, как вчера.

И правда, с тех пор мне не приходилось есть такие вкусные бобы и видеть такой чудесный театр, как той ночью.

Содержание

Предисловие. <i>Л. Позднеева</i>	5
Родное село. <i>Перевод Л. Позднеевой</i>	13
Завтра. <i>Перевод А. Васькова</i>	35
Сельский праздник. <i>Перевод Л. Позднеевой</i>	51

ДЛЯ СРЕДНЕГО
И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор А. Кравченко.
Художественный редактор В. Пахомов.
Технический редактор М. Большаков.

Корректоры

Е. Балабан и А. Враныч.

Сдано в набор 1/VII 1950 г. Подписано к
печати 9/IX 1950 г. Формат $70 \times 92\frac{1}{32} =$
 $= 1,125$ бум. — 2,626 печ. л. (1,84 уч.-изд. л.).
Тираж 30 000 экз. А06762. Заказ № 842.
Цена 2 руб.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва,
Сущевский вал, 49.

17

21
Цена 2 руб.

